

А. С. Баханович (Минск, МГЛУ)

ИРОНИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ СРАВНЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлен механизм создания иронии и её языковые маркеры, среди которых наибольшее значение придается *сравнению*. Рассмотрены частотные типы сравнений, используемых для воплощения иронии: простые, сложные, сравнения-предложения. Показано, что лингвистическая структура данной категории комического предполагает сочетание риторических фигур (в данном случае сравнения), синтаксических средств и опоры на контекст, благодаря чему высказывание приобретает эмоциональную окраску.

Анализ любого литературного произведения приводит к изучению авторского лексикона, образности и насыщенности его языка. Известно много способов достижения выразительности в художественной речи. Феномен иронии, а также сравнение как один из приемов создания иронической образности, находятся в русле исследований одной из важнейших отраслей прикладной лингвистики, науки об умелом использовании и выборе языковых средств – *стилистике*.

Обобщая определения *иронии* данные Т. Ф. Лимарёвой, А. В. Сергиенко, О. Г. Петровой, Д. Мюкке, С. Аттардо, мы пришли к выводу, что это средство реализации субъективно-оценочной модальности, а также сложная лингвистическая и эстетическая категория, в которой подлинное или подразумеваемое содержание намеренно актуализируется через несовместимое с ним, показное и притворное значение.

Для того, чтобы распознать иронию в тексте, нами был определен механизм ее формирования. К числу необходимых для создания иронии компонентов мы относим: 1) двуплановость, под которой мы понимаем наличие двух смыслов (позитивного и негативного), противопоставляющихся по параметру «истинности» (выражается имплицитно, актуализирует апеллирование к подтексту) и «ложности» (выражается эксплицитно); 2) формальные сигналы – паралингвистические знаки и специальные слова (улыбка, ухмылка, наклон головы, взгляд, хмыканье и интонация); 3) семантические сигналы – употребление возвышенной лексики, в которой зафиксирована функция сигнализации иронии (возлежать, блюстителю, восседать, соизволить, собла-

говолить). К факультативным условиям могут быть причислены: языковая маркированность нарушения логики сочетаемости; игровое поведение продуцента иронии (говорящий умышленно нарушает принципы кооперации общения); деонтическая оценка, которая связана с этическим понятием нормы, противопоставлением сложившейся ситуации и должного, идеального представления о ней.

В данном исследовании, опираясь на работу К. М. Шилихиной, мы фокусируемся на *вербальной стратегии* создания иронии, которая проявляется в намеренном отступлении от нормы, конвенций узуса, в нетривиальном использовании лексических, грамматических или стилистических языковых средств. Наиболее разнообразными оказались лексические средства, так как практически все тропы, при определенных прагматических условиях, способны служить маркерами иронической образности. Ирония может передаваться средствами образности, такими как: сравнение, антифразис, антитеза, метафора, аллюзия и т. д.

Использование сравнительного оборота преобладает по численности среди языковых механизмов порождения иронического смысла. Рассматривая основные номинации сравнения, следует обратиться к мнению авторитетных лингвистов. И. В. Арнольд отмечает, что *сравнение* – это лингвистическое явление, в котором значение одного слова или группы слов уточняется значением других слов путем сопоставления соответствующих понятий на базе общего для них признака [1, с. 64]. А. И. Ефимов под сравнением понимает сопоставление описываемых лиц, характеров, событий, картин с образами, которые в большинстве случаев хорошо знакомы читателю. В результате этого сопоставления, изображаемое конкретизируется, становится более очевидным и выразительным [2, с. 224].

Следует разграничить сравнение как стилистический прием (*simile*), содержащий образность, и логическое сравнение (*comparison*) – соотношение двух предметов или явлений, относящихся к одной группе. В случаях образного сравнения проводится аналогия между двумя предметами или явлениями, относящимся к разным группам объектов, и чем больше разница между сравниваемыми предметами, тем ярче стилистическая окраска. Различные маркеры сравнения рассматриваются для определения его синтаксической структуры и значения, к основным относят следующие: *like* ‘подобно’, *as* ‘как’, *as if*, *as though* ‘как будто’.

Д. Фишелов использует термин – *непоэтическое сравнение* (НПС), которое имеет особые структурные характеристики. НПС состоит из четырех структурных и семантических элементов: предмет (*topic*), форма воплощения (*vehicle*), маркер сравнения (*simile marker*) и основание (*ground*). В простом сравнении: *Тед ест как свинья*, *Тед* – это предмет, *свинья* – образ, *как* – маркер сравнения и *манера еды* – основание [3, с. 1–23]. Однако, по мнению А. В. Трегубчак: «сравнение представляет собой изначально трехчленную конструкцию, которая состоит из объекта сравнения (того, что сравнивается), эталона сравнения (того, с чем сравнивается) и основания сравнения».

В произведении Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс. На грани безумия» используются образные сравнения, поскольку сопоставляются предметы и явления различных семантических классов, что способствует выразительности и информативности сравнения. Взаимоотношения Бриджит с мужчиной (объект сравнения) отождествляются с прохождением полосы пре-

пятствий (эталон сравнения), а приз в данной гонке – заключенный брак, который уподобляется кубку со свадебной символикой. Используемая вставная конструкция (*Malcolm and Elaine's son, darling, divorced, terribly lonely and rich*) является одним из важных элементов экспрессивного синтаксиса, потому как информативная и позиционная факультативность вставки позволяет интенсифицировать комичность ситуации: мама в очередной раз знакомит Бридж с женихом, при этом гиперболизируя его положительные, с ее точки зрения, качества при помощи наречий: *terribly* ‘ужасно’, *awfully* ‘очень’. Исходя из того, что сравнение выражено обстоятельством образа действия с союзом *like*, мы относим данный пример к сложному сравнению, которое выражено зависимой частью предложения:

No sooner have I started going out with the man she'd been trying to force me onto for eighteen months ('Malcolm and Elaine's son, darling, divorced, terribly lonely and awfully rich') than I feel like I'm running some kind of Territorial Army obstacle course, scrambling over walls and nets to bring her home a big silver cup with a bow on ‘Как только я начинаю встречаться с мужчиной, с которым она сама же меня усиленно сводила полтора года («Сын Малколма и Элейн, доченька, разведен, очень одинок и ужасно богат»), и вот уже чувствую себя участником военных учений, который преодолевает препятствия, карабкается на стены и лазает по веревочным лестницам, чтобы добыть для мамы большой серебряный кубок со свадебной символикой’.

Следующий пример можно отнести к образному сравнению-предложению. В указанной цитате представлена ассоциативная ирония, выраженная предложением, которое полностью является сравнением. Бриджит с Марком посетили вечеринку, на которой собралась вся лондонская интеллигенция. Бридж выступила как ярый защитник лейбористов, в то время как абсолютное большинство присутствующих было на стороне консерваторов, «тори». Иронический смысл высказывания указывает на наличие сложных корреляций семантики слов с широкой текстовой ситуацией и на значимость иронии в создании идейно-образной системы художественного произведения, устанавливая ироничность как элемент мировоззрения Бриджит, ее отношения к неловкой сложившейся ситуации:

Could not gauge how bad or otherwise incident was. Was like being amongst a Papua New Guinea tribe, and treading on the chief's dog and not knowing whether the murmur of conversation meant it didn't matter or that they were discussing how to make your head into a frittata ‘Трудно оценить, плоха или не очень была для меня сложившаяся ситуация. Словно я поселилась среди папуасов, отдала лапу собаке вождя и теперь не знаю, как толковать слышащиеся отовсюду разговоры туземцев: то ли все в порядке и можно не беспокоиться, то ли они решают, каким способом приготовить из моих мозгов пюре’.

В романе С. Фрая «Гиппопотам» сравнение часто используется как инструмент иронической критики второстепенных персонажей. Тед Уоллис проводит параллель между дамами и августовскими стрекозами – объектом и эталоном сравнения, которые выражены эксплицитно. Согласно наличию двух компонентов и использованию в оригинале структуры «существительное + обстоятельство времени», которая при передаче на язык перевода претерпела незначительные лексические изменения «относительное прилагательное + существительное», можно отнести данное сравнение к сложным:

Simon, paucity of imagination and dullness of wit aside, is at least a civil figure and he never yielded to any temptation to abandon me to the depredations of the numerous hat-wearing ladies who skimmed and dipped from tea-tent to tea-tent like dragon-flies in August ‘Саймон, если оставить в стороне вялость его воображения и некоторое скудоумие, малый, во всяком случае, воспитанный, он ни разу не поддастся искушению оставить меня на растерзание многочисленным дамам в шляпках, что, подобно августовским стрекозам, плавно выскальзывали из-под одного чайного навеса, чтобы нырнуть под другой’.

В бестселлере «Шопоголик на Манхэттене» С. Кинселла применяет индивидуальные сравнения, придающие описанию особую наглядность и изобразительность. Ребекка Блумвуд (объект сравнения) приравнивается к сокровищам Тутанхамона (эталон сравнения), одной из самых значительных находок в истории египтологии, на том основании, что она является диковинкой для чопроных англичан, вроде друга Таркина, как и гробница в Долине Царей. В данном примере используется сложное сравнение, которое выражено сочетанием «прилагательное + существительное + выразительный генетив»:

“Becky,” he says, staring at me as though I’m the lost treasure of Tutankhamun – Бекки, – мямлит он и смотрит на меня, как на утерянное сокровище фараона Тутанхамона’.

А. Браво часто комбинирует лексические и синтаксические способы создания комичности в повести «Комендантский час для ласточек». В приведенном ниже примере главная героиня повести Алеся, переехавшая на Кубу, описывает один из местных магазинов, с мраморным прилавком и при этом скудным ассортиментом. Мрамор – это уникальный натуральный камень, из которого создаются шедевры искусства. В данном случае героиня, осознавая всю художественную ценность данной горной породы, иронично отзывается об использовании подобного материала для прилавка, на котором нет ничего, кроме глиняной тарелки, употребляя при этом сложное сравнение: *(быццям тая біблейская авечка, што адбілася ад статка, самотна пасвілася талерка)* в качестве эксплицитного средства усиления ироничности. А. Браво использует сравнение с сельскохозяйственным животным, и такой выбор обусловлен сложившимся мировоззрением советского подростка, хорошо знакомого с укладом сельской жизни. Следует отметить, что используемая вставная конструкция входит в общую систему речевых средств создания комического в тексте, играя вспомогательную роль по отношению к средствам лексическим. Кроме того, попутный характер авторского замечания позволяет усилить юмористический эффект благодаря противоречию между нейтральным (а иногда возвышенным) тоном повествования и язвительным авторским замечанием в скобках:

Ну, хіба можна назваць крамай месца, дзе пасярод мармуровага (а то ж! тыя, хто будаваў на пачатку стагоддзя, разлічвалі на іншае) прылаўка, быццям тая біблейская авечка, што адбілася ад статка, самотна пасвілася талерка з брутальнае гліны ды на драцяных «плечыках» боўталася нейкая рабочая адзежына?

Проблематичность восприятия иронического высказывания заключается в том, что, в действительности, в нем уже присутствует оценочный аспект, то есть говорящий сообщает собеседнику не только мысль, но и свое отношение к ее содержанию, дает субъективную оценку. В представленной цитате Алеся сравнивает себя с питекантропом, создает самоироничный,

но при этом резко отрицательный образ, так как в переносном смысле, с точки зрения семантики, слово может быть наделено пренебрежительным значением. Тем самым девушка эксплицирует отрицательную деонтическую оценку, которая не отвечает её видению нормы:

Пакуль я з руплівасцю пітэкантрапа намагаюся здабыць агонь, газніца астывае. Уф! Усё трэба пачынаць з пачатку.

С. Давидович в сборнике рассказов «Развод по-славянски» использует в основном сравнения традиционные, в зависимости от фактора новизны образной основы. К данному типу относится сравнение, реализованное при помощи фразеологизма, применяющегося по отношению бедному человеку. С точки зрения грамматических и лексических признаков данный сравнительный оборот имеет простую структуру, так как присутствуют лишь два компонента для сопоставления:

Жыве адзін, бабылюе, голы як бізун – ні кала, ні казла.

В ходе проведенного анализа иронических контекстов были сделаны следующие выводы: 1) стилистический прием сравнения относится к наиболее употребительным в белорусской и английской прозе, так как является сильным художественно-изобразительным средством, способным интенсифицировать ироническую образность, не смотря на то, что представляет собой простейшую форму образной речи; 2) сложноподчиненные предложения – одна из ведущих форм выражения компаративной семантики на синтаксическом уровне, в силу наличия двучленной структуры, а также присутствия союзов и союзных слов, служащих для выражения этих отношений; 3) сравнение можно сочетать как с лексическими (метафора, гипербола, эпитет), так и с синтаксическими средствами (вставная конструкция, притворное восклицание), для придания оттенка ироничности широкому контексту; 4) ирония имеет национально-культурную специфику, которая проявляется в наличии национальных (семантических) форм мышления, устойчивых сочетаниях, авторской интенциональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1981. – 295 с.
2. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : МГУ, 1961. – 508 с.
3. Fishelov, D. Poetic and Non-Poetic Simile: Structure, Semantics, Rhetoric / D. Fishelov. – Tel Aviv : Poetics Today 14 (1), 1993. – P. 1–23.

The paper considers simile as a way of creating irony. The mechanism for creating irony and its language markers is revealed. The article discloses the most frequent types of simile: simple, complex, simile sentences. It is shown that the linguistic mechanism of irony involves a combination of stylistic devices, expressive means of syntax and ironical context, due to which the statement becomes emotionally coloured.